

УДК 324(470+571)

doi 10.17072/2219-3111-2022-4-164-173

Ссылка для цитирования: *Фокин А. А., Шарафутдинова О. И.* «Life» vs «Известия»: американско-советская дискуссия о выборах в Верховный совет СССР 1958 года // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 164–173.

«LIFE» VS «ИЗВЕСТИЯ»: АМЕРИКАНО-СОВЕТСКАЯ ДИСКУССИЯ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР 1958 ГОДА¹

А. А. Фокин

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6;
Челябинский государственный университет, 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
a.a.fokin@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-6637-9314
ResearcherID: K-4668-2013

О. И. Шарафутдинова

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
o.i.sharafutdinova@utmn.ru
ORCID: 0000-0003-4625-1967

Статья посвящена попытке использовать выборы в Верховный Совет СССР как инструмент пропаганды политического преимущества социализма. Рубеж 1950–1960-х годов ознаменовался стремлением выстроить диалог между Востоком и Западом. СССР показывал свою открытость и готовность конкурировать с Западом не только танками, самолетами и ракетами, но и на символическом поле. Одним из таких аспектов соревнований, которые должны были доказать преимущество социализма, были выборы в Советы. В советской пропаганде активно подчеркивали, что подлинная демократия существует только в СССР. При этом важно отметить, что советское руководство вовсе не стремилось скрывать особенности советских выборов (такие как почти 100 % явка и безальтернативность выборов), а, наоборот, старалось показывать прогрессивный характер советской избирательной системы. Материалом служат публикации американского журналиста Хедли Донована в журнале «Life» и советского журналиста Владимира Кудрявцева в газете «Известия», которые показывают восприятие принципов демократии представителями разных систем. Показано, что для американца наличие одного кандидата в бюллетене перечеркивало все достоинства советских выборов, а для советской стороны это был важный признак демократии. Желание использовать советскую действительность в качестве основы для пропаганды и разочарование в итогах обмена показывают, что для советской стороны избирательная кампания в Верховный Совет СССР не рассматривалась исключительно как политический спектакль, а виделась как реальное проявление советского понимания демократии. Можно сказать, что в руководстве Советского Союза утвердилась идея о необходимости приподнять железный занавес, и тогда сама реальность советского строя станет лучшим аргументом для подтверждения преимущества социализма. В статье анализируются политический язык описания советской избирательной системы и проблемы современных исследований этого вопроса.

Ключевые слова: «Life», «Известия», выборы, Верховный Совет, советская демократия.

Историческая антропология позднесоветского

21 апреля 1958 г. в журнале «Life» была опубликована статья Хедли Донована под названием «Как голосуют русские люди – и почему» (*Donovan*, 1958, р. 55–62). Почти через год, 4 апреля 1959 г., в газете «Известия» появляется материал Владимира Кудрявцева «Кто же кого не знает?» (*Кудрявцев*, 1959, с. 4), ставший ответом на публикацию в американской прессе. Газета «Известия» из всех советских СМИ была выбрана не случайно, поскольку являлась печатным органом Советов депутатов трудящихся СССР, а в обеих публикациях главную тему составлял вопрос о том, что такое демократия и как она реализуется через выборы. Систему Советов в СССР можно рассматривать как пример реализации принципа подлинной демокра-

тии и народовластия. Сам факт публикации ответной статьи уже довольно интересен, поскольку читатели «Известий» вряд ли читали «Life» и наоборот, но в рамках советских политических ритуалов необходимо было иметь печатный, то есть материальный, ответ. Из этой статьи внимательный советский читатель мог извлечь довольно много информации об американской критике советской демократии. Но прежде всего исследовательский интерес вызывает тот факт, что данные публикации позволяют в сжатом виде увидеть столкновение двух взглядов на советские выборы и, следовательно, лучше понять особенности советских политических ритуалов.

Со времен выхода работ Николая Устрялова, Василия Ключевского, Константина Бестужева-Рюмина и других историков свидетельства иностранцев воспринимаются как важный источник материала. Взгляд представителя другой культуры мог зафиксировать аспекты, которые или являлись «слепым пятном» для местного населения, или не могли быть ими озвучены в силу того, что противоречили официальному властному дискурсу. Поэтому наблюдения американцев за советскими выборами являются уникальным историческим источником.

Но главная ценность статей в «Life» и «Известиях» заключается в возможности сформулировать новый методологический подход к позднесоветским выборам. Несмотря на масштабность явления, феномен позднесоветских выборов остается практически неизученным. Можно выделить несколько работ последнего времени, в которых авторы обращаются к теме выборов [Меликова, 2001; Voting for Hitler and Stalin, 2011; Подосинников, 2014; Панков, 2016; Кимерлинг, 2017]. Анна Кимерлинг в своем исследовании рассматривает выборы в период позднего сталинизма как вариант мобилизационной политической кампании. Она описывает механизм проведения такой кампании, включающий несколько этапов: идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; организационный этап; мобилизацию масс; реализацию целей и задач кампании и отчет об успехах. Наиболее важной работой по данной теме является сборник о голосовании в Третьем Рейхе, СССР и других странах Восточной Европы. Важно, что авторы сборника не только описывают отдельные кейсы вроде выборов в Верховный Совет в 1958 г. в Минске или связи выборов и террора в СССР в 1937–1938 гг., но и стремятся к формулировке аналитических моделей функционирования институтов демократии в недемократических режимах. При всех своих достоинствах отмеченные работы, на наш взгляд, остаются в рамках традиционной политической истории, где основной акцент при изучении делается на функционировании институтов. Сама по себе политическая история – вполне продуктивное направление, только в случае с выборами в СССР возникает определенный парадокс, когда система Советов – от поселковых до Верховного Совета СССР – рассматривается исследователями как декоративный институт, не имеющий отношения к реальной власти. В таком случае советская демократия рассматривается как одно из многих пропагандистских клише советской власти. Но даже если находиться на этой позиции, то политические клише тоже являются объектом для изучения. В рамках данной статьи предлагается перенести тему советских выборов в плоскость исторической антропологии, что позволит снять вопрос о том, является ли советская демократия клише или нет.

Хотя рамки исторической антропологии не четко очерчены, она предлагает исследователям открытый набор исследовательских практик, из которых можно выбрать подходящий инструментарий. Применительно к советским выборам историческая антропология позволяет поставить вопрос о функционировании избирательного процесса как особого политического ритуала, для понимания которого необходимо проанализировать язык и систему символов. Можно уверенно говорить о продуктивности применения антропологических подходов как ко всей советской истории в целом, так и к позднесоветскому периоду в частности. Выборы в местные и центральные органы власти Алексей Юрчак определяет как государственный политический ритуал. Всеобщее участие в выборах и полная поддержка кандидатов могут считаться проявлением согласия населения с политикой партии и правительства, но при этом советским гражданам было не столь важно, за кого они голосуют. Многие избиратели впервые узнавали о кандидате в момент голосования. Автор задается вопросами: «В чем заключался смысл этих идеологических ритуалов? Как расценивать массовое одобрение кандидатов и резолюций, если участники этих ритуалов одобрения не обращали внимания на имена кандидатов и буквальный смысл резолюций? Можно ли свести эти действия к проявлению вынужденного притворства в условиях строгого государственного надзора и взаимной слежки? Можно ли считать, что эти

действия не имеют ничего общего с тем, что их участники думают в действительности? Являются ли эти действия лишь маской, которую субъект надевает на публике и за которой спрятано его истинное лицо?» [Юрчак, 2014, с. 57]. Далее он отмечает, что подобная интерпретация языка, ритуала и практик общения советского времени является широко распространенной в историографии, но сам Алексей Юрчак с ней не согласен и считает ее ошибочной.

Важность антропологического подхода применительно к советскому периоду заключается в возможности использовать язык, существовавший в изучаемую эпоху, и не использовать для описания современные термины с их смысловой нагрузкой. Наиболее яркой иллюстрацией здесь может быть термин «демократия». Исходя из современных представлений о демократии, политическое устройство СССР может быть охарактеризовано так только условно, и слово «демократия» придется брать в кавычки. Но с точки зрения советской идеологии именно СССР являлся страной, где демократия представляла собой подлинное народовластие, в то время как современные представления о демократии были бы обозначены как буржуазные. На страницах «Life» и «Известий» как раз сталкиваются две разные точки зрения на демократию и выборы. На наш взгляд, некорректно вставать на одну из точек зрения и утверждать, исходя из исторической перспектив, что именно американский взгляд на демократию оказался верным. Нельзя говорить, что демократия «Life» была правильной, а демократия «Известий» ошибочной; скорее, следует исходить из одновременного существования различных вариантов демократии, являющихся равноценными.

Развитие советской демократии было важной частью формирования «режима эмпатии», который не табуировал и отвергал, а принимал индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина и реагировал на них [Тихомиров, 2013; Фокин, 2017]. Э. Кулевиг пишет: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме “обратной связи” с обществом» [Кулевиг, 2009, с. 35]. Результатами данной политики стали рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация, пик которой приходится на брежневское время.

Принципы советской демократии

Применительно к системе выборов указанная тенденция выразилась в принятии в 1957 г. Постановления ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами», в котором отмечалось следующее: «Можно ожидать, что критика органов государственной власти, наших работников в ходе выборов будет еще более острой, требовательность к депутатам повышенной, активность при обсуждении кандидатов в депутаты значительно возрастет. Надо, чтобы партийные органы, местные Советы и их работники правильно относились к критике масс и принимали меры по устранению недостатков в деятельности советских органов» (Постановление ЦК КПСС..., 1986, с. 164). Свидетельством восприятия выборов как канала коммуникации с властью со стороны граждан может быть статистика обращений в Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет. Так, из 4003 писем вопросам, связанным с подготовкой и проведением выборов, то есть непосредственной функцией ЦИК, было посвящено всего 306 писем, то есть меньше 10 %. В то время самой популярной темой были жилищные вопросы (об улучшении жилищных условий, о внеочередном предоставлении и обмене жилплощади, жалобы на выселение с ведомственной и служебной площади и т.д.) – 1894 письма, то есть практически половина всех обращений. Помимо этого, граждане писали по поводу судебно-прокурорских вопросов, вопросов социального обеспечения, трудовых вопросов, вопросов прописки и материально-бытовых вопросов (ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 9. Д. 25. Л. 21–22).

То же самое можно обнаружить и на региональном уровне, когда на встречах с кандидатами в депутаты в первую очередь звучали наказы о решении материально-бытовых проблем. Граждане видели возможность высказать свои пожелания и жалобы, а власть получала возможность выявлять настроения на местах. Особенно следует отметить, что критика в определенных границах, как было указано в постановлении, допускалась и приветствовалась. Избиратели на низовом уровне при выборах в сельские, поселковые и городские Советы даже могли забаллотировать кандидата.

Выборы как форма культурной дипломатии

Для того чтобы лучше понять статьи в «Life» и «Известиях», необходимо представить контекст и обстоятельства, в которых они появляются. Вторая половина 1950-х гг. связана с определенными изменениями во внешней политике СССР, направленными на нормализацию и развитие международных связей. Конечно, внешняя политика, как все шаги по либерализации в хрущевское время, не отличалась последовательностью и часто, как, например, в случае с Венгрией в 1956 г. или Берлинским кризисом, приводила к обострению отношений на международной арене. Тем не менее можно зафиксировать тенденцию к преодолению железного занавеса и поиска новых форм сотрудничества.

В этой ситуации советское руководство принимает решение о возможности использования предстоящих выборов в Верховный Совет СССР в 1958 г. как о способе продемонстрировать миру демократизм советской политической системы. Так, в записке на имя Михаила Георгадзе (секретарь Президиума Верховного Совета СССР) заведующий Секретариатом ЦИК Петр Туманов отмечал: «Приглашение иностранных представителей на выборы в Верховный Совет СССР будет способствовать развитию взаимопонимания между СССР и другими странами, а также будет способствовать установлению парламентских контактов и связи между должностными лицами СССР и других государств, считаем целесообразным одновременно рассмотреть вопрос о приглашении на предстоящие выборы в Верховный Совет СССР представителей других иностранных государств, в частности, стран народной демократии и стран, имеющих общую границу с СССР» (ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 14. Д. 26. Л. 2–3). Еще одним фактором, обусловившим приглашение иностранцев на выборы, был тот факт, что двумя годами ранее, в 1956 г., по приглашению Госдепа США советская делегация в составе Л. Н. Соловьева, В. Л. Кудрявцева и М. И. Рубинштейна ознакомилась с выборами президента США и выборами в Конгресс США. За время своего визита советские представители побывали в нескольких американских городах, посетили Конгресс и Верховный суд США, встретились с представителями профсоюзов, профессорами университетов, студентами и простыми гражданами. В качестве ответного шага на выборы 1958 г. в статусе официальных наблюдателей была приглашена делегация из США в составе профессора Ричарда Скэммона (Richard M. Scammon), профессора Сирила Блэка (Cyrl E. Black) и редактора журнала «Fortune» Хедли Донована (Hedley Donovan).

Во время своего визита американцы наблюдали за процессом голосования, а после его завершения у них состоялась встреча с Никитой Хрущевым. Помимо приема первым лицом государства, о важности этого визита в глазах советского руководства свидетельствует и использование кадров с делегацией наблюдателей в кинохронике «Москва голосует» наряду с голосованием Никиты Хрущева, Анастаса Микояна и Михаила Сулова. Включение момента знакомства представителей США с ходом избирательного процесса в официальную идеологическую продукцию указывает на то, что приглашение иностранцев в качестве наблюдателей воспринималось как важный пропагандистский ход.

Члены американской делегации осознавали свое уникальное положение наблюдателей и по возвращении в США стали давать многочисленные интервью на радио и в печати. Главную роль в этом процессе играл, конечно, Хедли Донован. Он родился в 1916 г. в Миннесоте, где в 1934 г. окончил университет, а через два года получил вторую степень в Оксфорде. После окончания университетов 5 лет работал в «The Washington Post», а во время Второй мировой войны три года служил офицером на флоте. После завершения войны он устроился в журнал «Fortune», где в 1953 г. получил должность главного редактора (Hedley Donovan Is Dead at 76). Скорее всего, включение Хедли Донована в состав делегации в первую очередь было продиктовано его должностью редактора одного из главных американских журналов, и предполагалось, что журналистский талант и связи позволят охватить как можно больше американцев историей о демократии в СССР.

Взаимные поездки советской американской делегаций невозможно не рассматривать как пропагандистские акции. Рубеж 1950–1960-х гг., проникнутый «духом Женевы», предлагал обеим сторонам холодной войны перенести противостояние в информационное поле. Аналогом столкновения «Life» и «Известий» можно считать знаменитые «кухонные дебаты» Никиты Хрущева и Ричарда Никсона на выставке в «Сокольниках» в 1959 г., где, как и в случае с выборами, столкнулись два взгляда на потребительские практики [Phillips, Hamilton, 2014]. Лидеры

СССР и США отстаивали преимущества подходов двух систем в распределении ресурсов, ведь советская сторона показывала преимущества в космосе, демонстрируя спутник, а американцы показывали новейшую технику для рядового потребителя. Наблюдатели на выборах аналогичным образом должны были видеть и транслировать преимущества политического устройства противоположной системы. Задача была не столько обмануть противника, сколько переиграть его и заставить признать успехи советской или американской стороны. Оба издания невозможно рассматривать как «чистые источники», в которых отражалась объективная картина, но именно «искажения и преломления» действительности позволяют проникнуть в логику политической системы и лучше понять господствующий дискурс.

Американский взгляд на советские выборы

Необходимо кратко отметить, какие особенности советских выборов выделили для себя американцы. Хедли Донован понимал уникальность собственной позиции и особый статус коллег: никто из граждан США официально не мог увидеть работу советской избирательной системы. Он сразу подчеркивает недемократический характер советских выборов, указывая на их безальтернативность и роль «конституционного фасада». При этом для Донована важно пояснить, что с процедурной точки зрения советские выборы регламентируются множеством законов, которые необходимо соблюдать, в то время как в США и Европе выборы погружены в хаос: «По советским стандартам, выборы в США покажутся наихудшими – позорно распутные, шумные и хаотичные. Действительно, советская избирательная система может считаться настоящим примером современной системы за одним исключением: выборы не являются свободными, т.е. это вовсе не выборы» (*Donovan*, 1958, р. 55). При этом он отмечает, что явка в 99,7 % для США является немыслимой, поскольку в США в 1956 г. проголосовало чуть больше 60 % и сложно заподозрить советскую систему в фальсификациях результатов явки и выборов. Наоборот, он даже удивляется, почему советская система не может показать 15–20 % голосующих против, что сделало бы советские выборы в глазах мировой общественности более реалистичными. Донован подчеркивает, что некоторые советские граждане могут голосовать против, хотя таких не очень много, а голосование против не означает автоматически несогласие с режимом, но может быть вызвано неприятием конкретного кандидата. Также он пытается дать ответ на самый главный вопрос: зачем советская система проводит выборы? И его ответ стоит из трех частей:

1. Избирательная кампания – возможность воздействовать на население. Донован добавляет, что выборы являются безопасным местом для пропаганды и речей советского руководства, ибо в другое время это может быть воспринято населением как симптом кризиса, возможно, даже войны, и вызовет беспокойство в рядах граждан.

2. Выборы – проверка советской системы. Не имея таких институтов, как свободная пресса, КПСС через организацию большого и сложного мероприятия выявляет самые слабые участки и избавляется от самых проблемных людей.

3. Получение легитимности через демонстрацию народного представительства без реального народного представительства.

В целом, статья Донована с учетом его относительно недолгого пребывания в СССР представляет хороший срез советской избирательной системы. При этом нельзя назвать его полностью предвзятым наблюдателем, он действительно отмечает как положительные, так и негативные моменты советских выборов. Только восприятие плохого и хорошего у автора не становится предметом рефлексии. Для него именно модель выборов в западной либеральной демократии при всех минусах и недочетах является эталоном, с которым необходимо сверять электоральные процессы. Таким образом, то, что для советской системы было преимуществом перед Западом, в глазах американских наблюдателей становилось показателем недемократичности.

Советский взгляд на советские выборы

Очевидно, что такая реакция американских наблюдателей полностью не устраивала представителей советской власти. Они ожидали, что на гостей СССР советские выборы и действительность произведут благоприятное впечатление и они поделятся позитивным взглядом со своими соотечественниками, а в итоге получили сдержанную, но критику, которая прежде всего подрывала основную идею советских выборов – демократичность. Донован и его спутники отказывали избирательному процессу прежде всего именно в демократичности. Поэтому от-

ветная реакция советской стороны была весьма жесткой: представители Центральной избирательной комиссии требовали разоблачить манипуляцию со стороны американцев. По мнению Кудрявцева, искажение информации о советских выборах носило сознательный характер и американцы специально вводили в заблуждение американскую публику, дабы не показывать преимущества советского строя перед буржуазной демократией: «В этих выступлениях американские делегаты, особенно Ричард Скэммон и Хэдли Донован, приложили немало усилий к тому, чтобы дезориентировать общественное мнение США по вопросам, касающимся советской избирательной системы, советской демократии, а также условий жизни в Советском Союзе. Эти господа в своих выступлениях грубо извращали и подтасовывали факты о положении дел в СССР. Некоторые из этих выступлений носят открыто клеветнический характер, доходящий до оскорбления чести и достоинства советского народа, советской государственной системы и руководителей советского государства» (ГАРФ. Ф. Р-7522 Оп. 14. Д. 26. Л. 35). С ответной статьей было поручено выступить Владимиру Кудрявцеву, поскольку он не только был опытным журналистом-международником, но и находился в составе советской делегации в США и имел возможность собрать материал для «ответов американским клеветникам». И если статья Донована выдержана в нейтральных тонах, то публикация Кудрявцева наполнена яркой риторикой: «Перед нами статья Донована в журнале “Лайф”, в которой он делится с читателями своими впечатлениями о выборах в Верховный Совет СССР. С чего он начинает свои впечатления? Может быть, с тех грандиозных задач, которые ставят перед собой советские люди, строящие в своей стране коммунизм? Нет. Возможно, тогда с решимости советских людей во что бы то ни стало укрепить мир во всем мире? Тоже нет. Это все прошло мимо Донована. Статью он начинает с того, что на избирательном участке, который он посетил в день выборов, несколько бюллетеней оказались с зачеркнутыми фамилиями кандидатов в депутаты. Вот, оказывается, что больше всего интересовало американскую группу наблюдателей. Понятно после этого, почему они так и не смогли объективно осветить ход выборов в Советском Союзе и хоть в малой степени вникнуть в подлинную сущность советской избирательной системы» (Кудрявцев, 1959, с. 4). Если для Донована важны были процедурные моменты советских выборов, то Кудрявцев предлагал смотреть гораздо шире и видеть советские выборы как отражение советской политики в целом. Условно говоря, Донован наблюдал за отдельными «деревьями» в «лесе», а Кудрявцев предлагал не видеть недостатки на отдельных «деревьях», а воспринимать «лес» целиком. Это еще раз демонстрирует, что в данной ситуации происходит столкновение двух мировоззрений и двух способов восприятия реальности. Например, как воспринимать понятие свободы? Для Донована советские выборы не могут быть признаны свободными, поскольку участие в них является фактически обязательным, в то время как в США граждане могут спокойно отказаться от своего избирательного права и не ходить на избирательные участки. Кудрявцев парирует этот аргумент тем, что в СССР нет никаких законов, которые бы заставляли людей участвовать в выборах, в отличие от буржуазных стран. Помимо этого, победа кандидата в президенты США и членов Конгресса была одобрена «незначительной частью американцев». С официальной советской позиции такие выборы не могут быть демократичными, раз в них меньшинство диктует свою волю большинству, что явно нарушает принцип «власти народа». В то время как в СССР одобрение кандидатов почти единогласное, и именно это, а не наличие второго кандидата в бюллетене является показателем демократии.

Показательным моментом принципиально разных взглядов на выборы является один небольшой эпизод. Хэдли Донован отмечает, что после оглашения списка кандидатов среди граждан СССР не было споров и пари на исход голосования. Для американца это свидетельствует о том, что у населения отсутствует интерес к выборам, ибо для западного общества азарт воспринимается как естественная черта характера. В то время как для Владимира Кудрявцева такое замечание американского журналиста демонстрирует его непонимание основных принципов жизни в СССР, ибо советским людям чуждо превращение избирательного процесса в коммерческое предприятие. Вслед за этим автор «Известий» использует крайне популярный в официальной риторике прием и вспоминает, что в СССР, в отличие от США, помимо пари, отсутствует и подкуп избирателей и кандидатов. Владимир Кудрявцев вспоминает, как в 1956 г. видел превращение американских выборов в коммерческий проект, где деньги играли важнейшую роль. Для советской стороны важно было показать, что все траты на проведение выборов

берет на себя государство и, таким образом, доход кандидатов не влияет на их шансы попасть в парламент, в то время как в США рабочие и крестьяне практически не имели шансов быть представленными в законодательных органах власти, ибо не обладали необходимыми ресурсами для проведения избирательной кампании. Получается, срабатывал «стеклянный» имущественный ценз: «Почему бы, например, не избрать на два года в конгресс рабочих или фермеров, освободив их на это время от производственной работы? Да потому нельзя этого сделать, ответим мы, что конгресс США представляет и выражает интересы крупного монополистического капитала, а не рабочих и фермеров США» (Там же).

Схожее столкновение происходит и по поводу итогов выборов, цифры в почти 100 % выглядят для американца показателем контроля за выборами, а для советской стороны это демонстрация общей воли населения. И тут снова США выступает «кривым зеркалом», ведь за океаном и президент, и парламент выбираются только частью избирателей, следовательно, не являются представителями всего американского общества, в отличие от советской системы, где подавляющее большинство граждан выбирают своего депутата: «Никто в Советском Союзе не сравнивает свой верховный орган с конгрессом США, в частности и потому, что первый выбирается подавляющим большинством народа, а второй представляет лишь незначительную часть избирателей» (Там же). Именно идея народного представительства была одной из центральных в концепции советской демократии. Так, в 1966 г. Петр Туманов, который долгое время возглавлял Центральную избирательную комиссию, опубликовал в газете «Известия» статью «Гарантия демократизма» (Туманов, 1966, с. 4). В контексте данной темы интересна не столько сама статья, сколько ответ автора на письмо одного читателя, поступившее в редакцию «Известий» и содержащее критику практики включения в избирательный бюллетень только одного кандидата. Петр Туманов в своем ответном письме указывал: «Вы [анонимный автор письма. — А. Ф., О. Ш.] подходите к вопросу предубежденно и абстрагируетесь от вопроса о политическом значении наших выборов в международной жизни. Вы не задумывались над тем, что скажут наши недруги, когда узнают, что депутаты нашего парламента избраны лишь незначительным большинством голосов избирателей» (ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 124). Таким образом, для советской системы было важно одновременно показать и всенародную поддержку кандидатов, и то, что кандидаты представляют разные группы советского общества.

В заключении статьи Владимир Кудрявцев отмечает: «Поэтому мы не ошибемся, если скажем, что группа американских наблюдателей мало чего внесла во взаимопонимание между США и СССР. Своими предвзятыми выводами она лишь потрофила самодовольным и ничего не понимающим в действительности творцам “американского образа мышления”» (Кудрявцев, 1959, с. 4). Эта фраза свидетельствует, что попытка контакта между СССР и США советской стороной была признана провальной. В доступных архивных материалах нет свидетельств, что кто-то из инициаторов приглашения американцев понес наказание за неудачную инициативу, но в дальнейшем нет примеров возвращения к этой теме. Общение с иностранной общественностью ограничивалось только пресс-конференциями с заранее подготовленными ответами, которые не давали иностранным журналистам большого простора для интерпретации. И желание использовать советскую действительность в качестве основы для пропаганды, и разочарование в итогах обмена показывают, что для советской стороны избирательная кампания в Верховный Совет СССР не рассматривалась исключительно как политический спектакль, а виделась как реальное проявление советского понимания демократии. Можно сказать, что в руководстве Советского Союза утвердилась идея о необходимости приподнять железный занавес, и тогда сама реальность советского строя станет лучшим аргументом для подтверждения преимущества социализма. Хотя, конечно, контроль за тем, что иностранцы могут увидеть, а что не должны, велся постоянно. Алексей Голубев в своей статье отмечает принципиальную важность «взгляда иностранца» как инструмента сборки советской социальной реальности: «Советская культурная логика в этом отношении была логикой циркулярной: сперва она создавала у своей аудитории знание о том, что на Западе СССР воспринимается как отсталое государство, и потом опровергала это знание через эмоциональную реакцию западного наблюдателя, пораженного зрелищем современного советского пространства, техники или людей» [Голубев, 2018, с. 238–239]. В случае с наблюдателями на выборах такого удивления не произошло и желаемого эффекта достигнуть не получилось, следовательно, не оказалось возможным утвердиться ни в глазах

Запада, ни в собственных глазах, ибо западный наблюдатель поставил легитимность советских выборов под сомнение, выступая в роли мальчика, который кричит, что король голый. И получается, что вместо успеха и гордости возникает чувство стыда, и именно этим можно объяснить необходимость ответной статьи в газете «Известия». Количество советских граждан, имеющих возможность прочитать статью в американском журнале или газете, было минимальным, и можно было бы просто промолчать про «нападки» на советскую демократию, но логика гордости и стыда требовала ответной публичной реакции.

Заключение

Выборы в позднем СССР были сложным и многофакторным явлением. В этом плане они напоминали айсберги, где само голосование являлось только незначительной частью, которая видна над поверхностью. «Подводная» часть позволяла создать устойчивые связи между властью и населением, основанные на принципах взаимного доверия. Это не значит, что все граждане СССР доверяли существующей системе, массовые беспорядки, антисоветские группы, диссидентское движение указывают на то, что позднесоветский строй имел большое количество внутренних проблем. Многие участвовали в выборах, не рефлексируя свое отношение к ним, а воспринимая это как необходимый шаг, забывая сразу после голосования имя кандидата. Но при этом выборы в СССР в 1960-х гг. стремились соединить в себе как демократические черты, так и предсказуемость для власти и населения. Представляется, что значительная часть населения была согласна с особенностями советских выборов, взамен получая социальную, экономическую и политическую стабильность. Но вот такая сложная конфигурация создавала особый тип демократии, который в значительной степени расходился со стандартами, выработанными в рамках западной политической модели, но внутри советской системы выполнял свои функции.

Многие исследователи, которые обращаются к анализу советской политической системы, оказываются в ситуации Хедли Донована, ибо, стремясь разобраться в советской ситуации, не могут выйти за пределы собственных представлений, отрефлексировать свой аналитический язык и позицию. Это возвращает нас к тезису Алексея Юрчака о важности расположения исследователя. Значимым шагом было бы понять логику советской стороны и воспринять ее взгляд на демократию не как ошибочный, а как нормальный, как один из вариантов модернового общества. Поэтому обращение к исторической антропологии в данном случае оказывается вдвойне важным: взаимодействие с культурой, в том числе и политической, Другого позволяет исследователю лучше понять и самого себя, и свой социум, который зачастую оказывается в зоне социального слепого пятна. Можно вспомнить известную метафору, что антропология работает как зеркало и дает возможность взглянуть на себя и увидеть разнообразие [Клакхон, 1998, с. 32]. Интересно, что СССР и США долгое время были друг для друга своеобразными зеркалами [Курилла, 2018], и, следовательно, для лучшего понимания прошлого необходимо смотреть сразу в оба зеркала одинаково.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 124; Ф. 7522. Оп. 9. Д. 25. Л. 21–22; Оп. 14. Д. 26. Л. 2–3, 35.

Кудрявцев В. Кто же кого не знает? // Известия. 1959. 4 апреля. С. 4.

Постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами» // Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. Т. 9: 1956–1960. М., 1986. С. 164.

Туманов П. Гарантия демократизма // Известия. 1966. 16 мая. С. 4.

Hedley Donovan Is Dead at 76; Retired Chief Editor of Time Inc. URL: <http://www.nytimes.com/1990/08/14/obituaries/hedley-donovan-is-dead-at-76-retired-chief-editor-of-time-inc.html> (accessed: 17.06.2021).

Donovan H. How the Russian People Vote and Why // *Life*. 1958. 21 April. P. 55–62.

Библиографический список

- Голубев А.* Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. стат. / под ред. А. Пинского.* СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2018. С. 219–255.
- Кимерлинг А.* Выполнять и лукавить, политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 216 с.
- Клакхон К.К.М.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998. 352 с.
- Кулевиц Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009. 206 с.
- Курилла И.* Заклятые друзья: история мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: НЛО, 2018. 424 с.
- Меликова Н.М.* Исторический опыт функционирования советской избирательной системы (1936–1985 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 248 с.
- Папков С.А.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // *Вопросы истории.* 2016. № 11. С. 3–15.
- Подосинников А.Ю.* Исторический опыт проведения выборов в органы народного представительства на территории Курской области в 1950–1970-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2014. 205 с.
- Тихомиров А.* «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // *Неприкосновенный запас.* 2013. № 6 (092). С. 78–118.
- Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 223 с.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.
- Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships.* Campus Verlag, 2011. 349 p.
- Phillips S., Hamilton S.* The Kitchen Debate and Cold War Consumer Politics: a Brief History with Documents. Bedford/St. Martin's, 2014. 171 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.10.2022

“LIFE” VS “IZVESTIA”: AMERICAN-SOVIET DISCUSSION OF THE 1958 USSR SUPREME SOVIET ELECTIONS

A. A. Fokin

Tyumen State University, Volodarskogo str., 6, 625003, Tyumen, Russia
Chelyabinsk State University, Br. Kashirinykh str., 129, 454001, Chelyabinsk, Russia
a.a.fokin@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-6637-9314
ResearcherID: K-4668-2013

O. I. Sharafutdinova

Tyumen State University, Volodarskogo str., 6, 625003, Tyumen, Russia
o.i.sharafutdinovaoi@utmn.ru
ORCID: 0000-0003-4625-1967

The article discusses an attempt to use the elections to the Supreme Soviet of the USSR as a tool to promote the political advantage of socialism. The turn of the 1950s and 1960s was marked by a desire to build a dialogue between East and West. The USSR demonstrated its openness and willingness to compete with the West not only with tanks, planes and missiles, but also on a symbolic field. One such aspect of the competition, which was supposed to prove the superiority of socialism, was the Soviet elections. Soviet propaganda actively emphasized that genuine democracy existed only in the USSR. At the same time, the Soviet leadership did not at all seek to hide the features of Soviet elections (such as almost 100% turnout and no alternative elections), but rather tried to show the progressive nature of the Soviet electoral system. The articles by American journalist Hedley Donovan in the “Life” magazine and by Soviet journalist Vladimir Kudryavtsev in the “Izvestia” newspaper, which show the perception of the principles of

democracy by representatives of different systems, serve as material in the paper. They show that for an American, having one candidate on the ballot overrode all the advantages of the Soviet elections, while for the Soviet side, it was an important sign of democracy. The desire to use Soviet reality as a basis for propaganda, and disappointment in the outcome of the exchange show that for the Soviet side, the election campaign for the USSR Supreme Soviet was seen not only as a political spectacle, but rather as a real manifestation of the Soviet understanding of democracy. The Soviet leadership adopted the idea of the need to lift the iron curtain, and then the very reality of the Soviet system would be the best argument to confirm the advantages of socialism. The article analyzes the political language of the description of the Soviet electoral system and the problems of modern studies of this issue.

Key words: Life, Izvestia, Elections, Supreme Soviet, Soviet Democracy.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00342 “Institutional and Non-Institutional Rituals in the Structure of Late Soviet Society (1956–1985)”.

References

- Fokin, A.A. (2017), «*Kommunizm ne za gorami*»: *obrazy kommunisticheskogo budushhego u vlasti i naseleniya SSSR v 1950–1970-h gg.* [“Communism is not far off”: images of the communist future in the power and population of the USSR in the 1950–1970s], ROSSPEN, Moscow, Russia, 223 p.
- Golubev, A. (2018), “Western Observer and Western Gaze in the Affective Management of Soviet Subjectivity”, in *Posle Stalina: pozdnesovetskaya subektivnost' (1953–1985): sbornik statey* [After Stalin: Late Soviet Subjectivity (1953–1985): Collection of Papers], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, pp. 219–255.
- Kimerling, A. (2017), *Vpolnyat' i lukavit', politicheskie kampanii pozdney stalinskoj epohi* [Fulfill and deceive, political campaigns of the late Stalin era], Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 216 p.
- Klakhon, K.K.M. (1998), *Zerkalo dlya cheloveka. Vvedenie v antropologiyu* [A Mirror for Man. An introduction to anthropology], Evraziya, St. Petersburg, Russia, 352 p.
- Kulevig, Ye. (2009), *Narodnyy protest v hrushhevskuyu epohu. Devyat' rasskazov o nepovinoventii v SSSR* [People's Protest in the Khrushchev Era. Nine stories of disobedience in the USSR], AIRO-XXI, Moscow, Russia, 206 p.
- Kurilla, I. (2018), *Zaklyatye druz'ya: istoriya mneniy, fantaziy, kontaktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SShA* [Frenemies: A history of opinions, fantasies, contacts, mutual(un)understanding of Russia and the USA], NLO, Moscow, Russia, 424 p.
- Melikova, N. M. (2001), *Istoricheskiy opyt funktsionirovaniya sovetsoy izbiratel'noy sistemy (1936–1985 gg.)* [Historical experience of the functioning of the Soviet electoral system (1936–1985)], Dis. ... k.i.n., Moscow, Russia, 248 p.
- Papkov, S. A. (2016), “Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937. Introduction of Soviet electoral manipulations”, *Voprosy istorii*, №11, pp. 3–15.
- Phillips, S. & S. Hamilton (2014), *The Kitchen Debate and Cold War Consumer Politics: A Brief History with Documents*, Bedford/St. Martin's, Boston, USA, 171 p.
- Podosinnikov, A. Yu. (2014), *Istoricheskiy opyt provedeniya vyborov v organy narodnogo predstavitel'stva na territorii Kurskoy oblasti v 1950-1970-e gg.* [Historical experience of elections in the bodies of people's representation in the Kursk region in 1950-1970s], Dis. ... k.i.n., Kursk, Russia, 205 p.
- Tihomirov, A. (2013), “«The regime of forced trust» in Soviet Russia, 1917–1941”, *Neprikosnovennyy zapas*, №6 (092), pp. 78–118.
- Voting for Hitler and Stalin: Elections under 20th Century Dictatorships* (2011), Campus Verlag, Chicago, USA, 349 p.
- Yurchak, A. (2014), *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation], NLO, Moscow, Russia, 664 p.